

В наше сложное поворотное время теперь не просто припоминается имя выдающегося русского поэта советского периода Ярослава Васильевича Смелякова (1912/13-1972), но пред нами предстаёт его поэтический мир во всей глубине и величии. И что примечательно, сначала возникла потребность возвратиться к его творчеству, а потом уже припомнилось, что приближается столетие со дня рождения поэта и пятьдесят лет со дня его кончины. То есть, во всяком случае, у меня, не было никакого внешнего, формального повода снова обратиться к поэзии Ярослава Смелякова, но было именно некое внутреннее необъяснимое желание вновь его перечитать.

...Русское и советское в поэтическом мире Ярослава Смелякова не противопоставлены альтернативно, а находятся в преемственной связи. Советское является продолжением русского, но не подменяющим и не отрицающим его. Какой всё-таки сложной и тонкой была общая идеологическая картина в Советском Союзе, в России. Во всяком случае, в послевоенный период. Но теперь-то, двадцать лет спустя после «демократической» революции, мы можем и должны признаться самим себе — что практически выходило из такого альтернативного противопоставления русского и советского: исподволь уготовлялась идеология нового революционного анархизма, а вовсе не «освобождение от коммунизма». Ведь таким противопоставлением, признанием XX века «тупиковым» и якобы не принадлежащим «исторической России», этот самый, пожалуй, сложный и трудный век вообще вычеркивался из истории, чем совершался перерыв в исторической преемственности как основа для всякого революционного беззакония.

Ведь эта убийственная формула — целили в коммунизм, а попали в Россию — свидетельствует только о том, что мы так и не разобрались, кто куда целил. Что в образованной среде общества оказалось слишком уж мало людей, понимавших эту взаимосвязь, свидетельствует о том, как ни печально не в этом сознаваться, что нас просто переиграло интеллектуально, подсунив губительные и ядовитые идеи, которые были приняты большинством людей без анализа их сути и последствий их преобладания. Так создавалась идеология нового революционного разорения страны. В форме такого соблазнительного якобы преодоления былых несправедливостей, которые в значительной степени были уже преодолены.

И самое печальное состоит в том, что такое альтернативное противопоставление русского и советского долгое время почиталось чуть ли не вершиной патриотизма. Но какими упрощёнными, примитивными, интеллектуально несостоятельными предстают теперь, на развалинах нашей жизни, эти идеи...

Убедительно обосновать на историческом и метафизическом уровнях, а не на отвлечённо-идеологическом, советский период истории это поколение образованных людей оказалось не в состоянии. И свергло народ и страну во тьму нового революционного анархизма. Неужто оно не несёт за это никакой ответственности? Формальное, дозволенное «освобождение», а по сути ложное, обернувшееся новым беззаконием, оказалось дороже самой жизни, стяжаемой столь большими жертвами и страданиями людей.

Ярослав Смеляков был одним из немногих, кто понимал это сложившееся соотношение русского и советского. И это ему не прощается. Именно поэтому он выставляется певцом советского строя и даже идеологии его, а не большим русским поэтом советского периода истории.

Но, к сожалению, совсем иначе мыслило подавляющее большинство образованных людей, «образованцев», к которым принадлежал и сам автор этого определения Александр Солженицын. Оно ожидало крушения «режима», превратившись из советского, народной интеллигенции в ту интеллигенцию, которая у нас уже была в XIX веке, предпринявшей «освободительное движение» в своей стране...

Но жить с ощущением, знанием и ожиданием того, что «режим» рухнет, то есть рухнет страна, в которой ты живёшь, это похоже всё-таки на некий комплекс *смердяковщины*. Не могли же интеллигенты

обществе или же декларации о них? Но, не заметив той реставрации, начавшейся в тридцатые годы и требуя её в 1991 году, наши интеллектуалы сами того не заметили, как стали идеологами новой, «демократической» революции. Ведь свергался не «режим», а предпринималось очередное революционное разорение России.

Тот советский строй, как выразился поэт — *стиль* жизни, который был объявлен в «демократическую» революцию «тупиковым» и не принадлежащим «исторической России», а стало быть, подлежащий разрушению, стал результатом долгого и мучительного преодоления революционного сознания и нового государственного созидания. И мало чего общего имел с первоначальной советской эпохой с её революционной догматикой.

...Ну так был «Духовный Чернобыль» или нет? Так и хочется спросить: если был, то откуда взялись столь образованные и умные авторы, какие теперь не могут появиться в принципе? Прошло всего два десятка лет и обнажилась вся опротивевшая подобным убеждениям и суждениям.

Но всё дело в том, что это соотношение русского и советского давно постигнуто и выражено с большой поэтической глубиной в стихах Ярослава Смелякова. И дело вовсе не в том, что Ярослав Смеляков был якобы фанатиком советской власти, а в том, что советский период истории он понимал как закономерный этап в трудной, трагической истории страны. Он исходил из того «режима», который реально был, а не из воображаемого. Ведь как оказалось, никакого другого «режима» у интеллигентов не было. Была только борьба с «режимом» существующим. И чем далее мы уходим от «демократической» революции нашего времени, тем более убеждаемся в правоте Ярослава Смелякова. Но ведь поэт постиг это уже давно, и довольно определённо и ясно. В этом отношении примечательно его стихотворение «Национальные черты»:

С закономерностью жестокой
И ощущением вины,
Мы нынче тянемся к истокам
Своей российской старины.
Мы заспешили сами, сами,
Не на экскурсии, а вглубь
Под нисходящими ветвями
К ручью заветному припасть.

Ну что ж! Имеет право каждый,
Обязан даже, мечта быть,
Ту искупительную жажду
Хоть запоздало утолить.
И мне торжественно невольно,
Я сам разостаться готов,
Когда вдали на колокольне
Раздаётся звон колоколов.
Не как у зрелища и гостя
Моя кружится голова,
Когда услышу на бересте
Умолкших прадедов слова.
Но в этих радостях искомых
Не упустить бы на беду
Красноармейского шелома,
Пятисколенную звезду.
Не позабыть бы с обильеньем,
В соборном роясе серебре,
Второе русское крещение
Осадной ночью на Днепре...

Особенно тут поражает это «ощущение вины», так как «Рязанские Марафаты», впад в обольщение, натворили, набедакурили много, в порыве строительства «нового мира», отвергая всё истинное, родное, национальное. Потому «гул забвения и славы» и плывёт над их кладбищем.

Но разве в этих стихах Ярослав Смеляков не оказался, к сожалению, пророком, когда в наше время, отвергнув такой трудный советский период истории, сотворили новую беду?.. Вот оказывается, по Ярославу Смелякову, когда началась «перестройка», и какая. А не та «революционная перестройка», которую мы знаем...

Немногие, совсем немногие люди обладают талантом жить настоящим, то есть располагать его истинный смысл и значение, ценить своё кратковременное земное бытие. Это трудно, это требует работы души и разума. Чаще люди судят

«Ежели поэты врут, больше жить не можно...»

Ярослав Смеляков – русский поэт советской эпохи

Но из-под той заветной крыши
На то крыльцо без перил
Ты сам не выбежал, не вышел
И даже дверь не отворил
...И, сидя над своей страницей,
Я понял снова и опять,
Что жизнь не может повториться,
Её не надо повторять.
А надо лишь с благозвоньем,
Чтоб дальше действовать и быть,
Те отошедшие виденья
В душе и памяти хранить.

И особенно поражает, пронзает, это такое беспощадное и вместе с тем такое простое и ясное: «Её не надо повторять», что у каждого человека — своя страница рукописи или судьбы. Ведь даже имя Пушкина в стихотворении не произносится, а лишь упоминается «пушкинский дом», да «псковская гостиница». Каждый пишет «свою страницу», а не повторяет чью-то...

Среди выдающихся русских поэтов советского периода истории Ярослав Смеляков занимает особое положение и место. Его творческой судьбе, в его наследии, как ни у кого из его современников, ясно виден тот путь, каким шло во временном развитии народное самосознание в этот драматический, сложный, мировоззренчески запутанный период нашей истории.

Но благородство, человеческая мудрость поэта в том и состояли, что трижды пройдя испытания своего жестокого времени — лагеря, финский плен, он не ожесточился, как многие, не «зациклился» на этом, превозмог личную вполне понятную обиду. Более того, как видно по всему, усилием воли отстранился от этой «лагерной» темы: «Позабылось быстро горе, я его не берегу». И вовсе не из страха и не из осторожности, как полагают иные идеологизированные околотипатурные публицисты, а видимо из глубокого понимания того, к чему это может привести поэта. Это очень сильный творческий и человеческий поступок Ярослава Смелякова, остающийся и сейчас не тускнеющим уроком. Остаётся он таковым потому, что многие писатели со сходной трагической судьбой не смогли удержаться на такой духовной и нравственной высоте. Так и не смогли психологически выйти из лагеря, из ГУЛАГа, навсегда оставшись там сознанием и душой... Более того, потащили

за собой в эту тюремную психологию и читателей. То есть остались в пределах обыденной логики. Далеко не безупречной с точки зрения творческой, да и просто человеческой.

Ведь продолжая писать о лагере, а пережитом в них, выражая лишь свои обиды, они, как правило, мотивировали это следующим: ради установления правды, чтобы ничего подобного больше не повторилось. Все так. Они имели полное право на это. Но хотели они того или нет, так и не выйдя из лагеря, не найдя в себе сил преодолеть лагерную психологию, они продолжали удерживать лагерное сознание в своих современниках. А вовсе не способствовали преодолению его. Более того — стали прививать его тем, кто его уже не знал. Такую коварную штуку сыграла с ними по-человечески понятная и вроде бы оправданная позиция критизма. Декларируемые, вроде бы, благородные намерения обернулись своей противоположностью.

И о том, что это действительно так, свидетельствует то, что пока разоблачалась прошлая неправда, созрела новая, может быть, ещё более коварная. Стало быть, такой путь к освобождению от несправды не приводит. Ведь указание на зло само по себе не избавляет нас от зла. И они поступили точно так же, как и их предшественники, которых они разоблачали: негодую над неправдой своего времени, не заметили нового бедствия, выпавшего народу и стране. Более того, стали представлять его как возвращение к справедливости. То есть новое разорение России выставили как её возрождение...

Ну а довод о том, чтобы ничего подобного больше не повторилось, какой-то и вовсе наивный, лишенный проницательности и мудрости. И потому, что история не знает повторений, и потому, что не таким способом создаются преграды от трагедий и социальных потрясений. Наоборот, такой способ создаёт предпосылки для их пробуждения. Духовная крепость достигается не воспитанием ненависти в человеке, но — любовью, что русской поэзией постигнуто уже давно.

В такой позиции Ярослава Смелякова действительно сказалось его человеческая и нравственная высота. А ещё — истинно православное отношение к людям и миру.

«Россия, Русь! Храни себя, храни!» Анатолий САЗЫКИН

Русская поэзия и русская историческая память

В своё время Александр Сергеевич Пушкин выразил вот такую мысль:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пеленищу,
Любовь к отеческим гробам.
То есть великий поэт сказал о жизненном значении памяти в душе и в сознании каждого отдельного человека и каждой семьи, а из них складывается понятие исторической памяти для страны, для народа.

Пройдёт немногим менее двухсот лет и замечательный русский поэт, вовсе не претендовавший на всемирную известность, но выражавший глубинное народное сознание, Николай Рубцов, создаст художественный образ русской индивидуальной и исторической памяти — стихотворение «Старая дорога»:

Всё облака над ней, всё облака...
В пыли веков мановенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им шлобские денки
Идут в неплетеной синенькой рубашке,
По сторонам — канают ромашки,
И зной зевнёт во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые вечности глаза!
То полуснивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей.
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нежданный филин-властелин.
То по холмам, как три брата, вырва,
Ещё порой проскачут верховые,
И снова — глушь, забывчивость, заря,
Всё пыль, всё пыль да знаки верстовые...
Здесь каждый славен — мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каясь,
Душа, как лист, звенит, перекликается
Со всей звенящей солнечной листвою,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто пройдёт...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,

И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...
Память о прошедших веках, о былых событиях хранит вечно живая природа в её вечных пространствах — дорогах, реках, небесах. Что касается России, то неотъемлемая, вечная часть её исторической памяти — это память о тех набегах, нашествиях, войнах, которые она вынуждена была отражать на протяжении всей своей многовековой истории. Интересно, что сама она захватнических войн не вела и не жила грабежом колонизаторских народов, как это делали Англия, Испания, Португалия, Франция, Германия, а вот натиск отбивала со всех сторон — с Запада, Востока и Юга.

В стихотворении «Шумит Катунь» Рубцов пишет:
...Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широко лавиною.
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев её былинный...
Катунь, Катунь — свирепая река!
Поёт она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, —
Они топтали эти берега!
И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И чёрный дым летел за перевалами
К стоянкам светлых русских деревень...
Всё позолотил столетний тёмный зев!
И всё в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданьем и свистом —
Она не может успокоить зноев...

Этот гнев будущих волн реки — воплощение гнева в исторической памяти народной. Не может быть забвения и той войне — самой кровавой и страшной — Великой Отечественной с немецким фашизмом. Нет в России семьи, которой бы та война так или иначе не коснулась. Николай Рубцов создал совершенно замечательное стихотворение об этом аспекте народной исторической памяти — «Русский огонёк».

Стихотворение это, на мой взгляд, вполне сопоставимо с пушкинским «Пророком»:
Духовной жаждой томим,
В пустыне мрачной я влился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...

Лирический герой Рубцова тоже один, только в зимней русской глуши:

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо тёмное, без звёзд.
Какая тишина! Я был один живой.
Один живой в бескрайнем мёртвом поле!
И он, без сомнения, в духовном поиске, ибо и ему, подобно пушкинскому лирическому герою, которому явился «шестикрылый серафим», посланец Бога, — мелькнёт «тихий свет... в пустыне, как сторожевой». Это свет в одинокой крестьянской избушке, где живёт старушка, потерявшая в Великой войне всех своих близких:

Как много жёлтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий:
Ознём, враждой Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
Вопрос старушки «Скажи, родимый, будет ли война?» — это сакральный, главный вопрос вообще русского человека, а уж матери, да ещё и потерявшей всех родных, — нет его важнее и страшнее. И на ответ «навсегда, не будет» (ответ-то не абсолютно уверенный!) её слова: «Дай бог, дай бог... Ведь всем не угодить, а от раздора пользы не прибудет» — это её истина в последней материнской инстанции.

И ещё одну духовную истину постигает лирический герой. Когда он за её радужный душевный приём пытается расплестись «глухим бречанием монет», старушка отвечает: «Господь с тобой! Мы денег не берём!».

Это «мы» вместо «я» дорогого стоит. Это русский голос из глубинных веков:

За всё добро расстаться добром,
За всю любовь расстаться любовью...

Естественно, это не голос современного либерально-буржуазной части населения...

Продолжит поэт эту тему — святыню исторической памяти и неизбежности противостояния России вражеским нашествиям — в стихотворении «Видения на холме»:

Взбегаю на холм и упаду в траву,
И древностью повеет вдруг из дола!

И вдруг картины
грозового раздора
Я в этот миг
увидю наяву.

Россия, Русь! — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молоты.
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шлопот их у омутной воды,
Люблю навеки, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России...

Да, «нагрянули они, иных времён татары и монголы» в лице «коллективного Запада», науськанного Соединёнными Штатами, сумели найти и поставить во главе когда-то братской страны «интернационального» наркомана и развязать небывалую доселе в истории русофобию и самую настоящую войну с Россией. И если прежняя война была страшна вражескими полчищами и оружием, поставляемым фашистами всей Европой, то сейчас к оружию, поставляемому всей Европой и Америкой, добавилось новое, сугубо современное оружие — ложь.

Лгут президенты «цивилизованной» Европы, лгут премьер-министры, министры, дипломаты, главы всяческих евросоюзных, столтенберги, боррели, фон дер лайны, журналисты, репортёры, лжёт всемирная «сеть» — интернет-паутина. Фейки, передёргивание фактов, искажение истории, всевозможные санкции и запреты от политико-экономических до культурных и спортивных — дьявольский шабаш какой-то! Клеввета...

Но оказывается, и клевета не новость. Смог — немножко, на 200 лет, назад — в 1831 году Пушкин пишет стихотворение «Клеветникам Рос-